

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ ОТ РЮРИКА: УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЛИ ЛЕТОПИСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ?

В статье рассматриваются известия летописей о смерти Рюрика и происхождении Игоря. Анализируются сведения источников и аргументы историографии за и против реального происхождения древнерусских князей от Рюрика. Автор приходит к выводу, что сведения о происхождении Игоря от Рюрика существовали в устной традиции в рамках «сказания о Рюрике» уже в конце X в.

Ключевые слова: генеалогия, устная традиция, летописи, Рюриковичи.

Особенности отражения устных преданий о первых русских князьях в летописях, так же, как и конкретная история летописной фиксации отдельных мотивов т.н. «сказания о Рюрике», по-видимому, существовавшего в устной традиции, уже были предметом специального исследования в современной историографии¹. При этом одним из весьма значимых мотивов «биографии правителя» в раннеисторическом повествовании, базирующемся на устных преданиях, является мотив смерти князя. Сопоставляя рассказы о ранних Инглингах в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона и о первых Рюриковичах в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), Е.А. Мельникова обращает особое внимание на необычность смерти правителя². В самом деле, в «Саге об Инглингах» мотив смерти конунга занимает едва ли не центральное место в «жизнеописании», а зачастую остается даже единственным мотивом, отразившись в скальдических висах, — причем подавляющее большинство этих смертей носит подчеркнуто нетривиальный

¹ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92; *Она же*. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГ. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000. С. 143–159; *Она же*. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год: Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 47–75.

² Мельникова Е.А. Историческая память. С. 64.

характер³. Из 32 правителей (не считая первых трех, относящихся к скандинавскому пантеону) только шестеро умерли своей смертью и четверо погибли в битвах, т. е. меньше трети от общего числа. При этом смерть одного из Инглингов можно считать естественной с некоторой долей условности (это Аун Старый, который ради продления жизни приносил в жертву своих сыновей и умер после того, как шведы не позволили ему принести в жертву своего последнего сына), а после гибели другого (Оттара) в битве его тело было отдано на растерзание зверям и птицам. Еще в одном случае особо отмечается причина естественной смерти конунга (Олав, которого свела в могилу больная нога). Как подчеркивает Е.А. Мельникова, «смерть правителя наступает в результате неожиданных, необычных, а нередко и позорных обстоятельств»⁴. Думается, впрочем, что особое значение имела не столько отрицательная или положительная семантика обстоятельств смерти, сколько именно ее неординарность. Эта неординарность смерти выделяла правителя из ряда его современников, придавала его судьбе столь же необычный характер, колорит некоей избранности, даже когда смерть оказывалась нелепой или недостойной. Подобные мотивы характерны и для «биографий» первых Рюриковичей — таковы отмечаемые исследовательницей смерти Аскольда и Дира (убитых обманном образом), Олега (умершего от укуса змеи, выползшей из черепа княжеского коня), Игоря (привязанного к деревьям и разорванного надвое), Святослава (убитого печенегами и «удостоившегося» после смерти чаши из черепа)⁵. К этому же ряду можно отнести также смерть Олега Святославича, задавленного трупами лошадей и людей во рву под Овручем, и Ярополка Святославича, обманном образом вызванного к Владимиру и убитого в дверях двумя варягами, поднявшими его мечами под пазухи. Таковы, таким образом, смерти всех правителей-язычников, начиная с Аскольда и Дира. Общим элементом повествований об Инглингах и Рюриковичах является также указание на их могилы. В ПВЛ эти указания как бы подтверждают достоверность рассказа (точно обозначается расположение могил Аскольда и Дира, отмечается наличие могил Олега на Щековице, Игоря у Искоростеня

³ Там же. С. 76–77.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 64–65.

и Олега Святославича у Овруча)⁶. «Сага об Инглингах» ограничивается просто указанием на место захоронения конунга в кургане (или сожжения его трупа) — всего таких указаний 13. Но если предания о смертях первых русских князей, подобно аналогичным преданиям об Инглингах, занимают важное место в их «жизнеописаниях», то совершенно иначе обстоит дело в случае с Рюриком — основателем русской княжеской династии.

Новгородская I летопись, в которой, как известно, отразился Начальный свод 1090-х гг., вообще ничего не сообщает о смерти Рюрика. После известия о принятии Рюриком единой власти после смерти Синеуса и Трувора следуют такие слова: «И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастьшу же ему, Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именем Олег, муж мудръ и храборъ. И начаста воевати...»⁷. Таким образом, смерть Рюрика в этом тексте не отмечена. В ПВЛ известие о смерти Рюрика помещено под 6387 (879) г. и выглядит так: «Умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суца, въдавъ ему сынъ свой на руце, Игоря, бе бо детескъ вельми»⁸. Как уже отмечалось в историографии, составитель ПВЛ счел Олега самостоятельным князем, как бы регентом при ребенке Игоре, поскольку точно знал о княжеском статусе Олега из договора Руси с Византией 911 г., заключенного от имени Олега, «великого князя русского». Летописец подчеркивает родство Олега с Рюриком, поскольку в летописи проводится мысль о том, что законным князем на Руси может быть только представитель Рюрикова рода, и выстраивается единая генеалогия княжеской династии, с которой в той или иной степени связываются сюжеты обо всех остальных князьях. Примечательно, что вторая часть сообщения Начального свода отнесена в ПВЛ к 6411 (903) г. и сопоставлена с известием о женитьбе Игоря на Ольге: «Игореви же възрастьшу, и хожаше по Олзе и слушаша его...». Таким образом, в основе обоих известий «Повести», и под 879, и под 903 г., лежит общий источник. В то же время, если известие о смерти Рюрика и передаче им своего сына и княжения Олегу может быть отнесено к «творчеству» летописца начала XII в., информация о происхождении Игоря от Рюрика

⁶ Там же. С. 65.

⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 107.

⁸ ПВЛ. С. 14. «Молодъ велми» — в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 16).

имеет более ранние истоки. Между тем, в историографии общим местом стало сомнение в реальности этого происхождения и рассмотрение родственной связи между Игорем и Рюриком в качестве искусственной летописной конструкции. Имеются ли для этого веские основания?

Разумеется, сомнения порождает, прежде всего, хронология ПВЛ. Согласно ей, Рюрик умер в 879 г., оставив Игоря малолетним на попечение Олега. Олег княжил 33 года и умер в 6420 (912) г., Игорь женился в 903 г., погиб осенью 944 г. (сентябрьского 6453 г. от Сотворения мира), оставив малолетнего сына Святослава. Следовательно, Игорь погиб, когда ему было не меньше 65 лет, женился в возрасте не менее 25, а родил Святослава после почти 40 лет брака с Ольгой, уже будучи 60-летним. Такая ситуация выглядит столь маловероятной, что позволяет считать эту слишком растянутую во времени генеалогию искусственной. Однако во многом искусственный характер носит, прежде всего, ранняя летописная хронология. В историографии уже было показано, каким образом в ряде случаев составитель ПВЛ рассчитал даты правления первых князей. В первую очередь он опирался на знание общей преемственности «высшей власти» на Руси: Рюрик — Олег — Игорь. С именем князя Олега был связан русско-византийский договор 911 г., имевшийся в распоряжении составителя ПВЛ, — документ с точной датой 2 сентября 6420 г. от Сотворения мира. С именем князя Игоря был связан другой договор — 944 г., дата которого в тексте, доступном летописцу, впрочем, отсутствовала. Договор 911 г. с византийской стороны был заключен от имени византийских императоров Льва VI Философа (Мудрого) и его соправителей, брата Александра и сына Константина VII (Багрянородного), который был венчан на царство еще младенцем 9 июня 911 г., при жизни отца. Лев VI умер 11 мая 912 (6420) г. К этому же году летописец приурочил и смерть Олега. Таким образом, конец правления императора Льва был сопоставлен с концом правления Олега. Та же ситуация сложилась и с хронологией княжения Игоря. Договор 944 г. был заключен при «царях» Романе, Константине и Стефане, т. е. при византийских императорах Романе I Лакапине и его соправителях: зяте Романа, Константине VII Багрянородном, и сыне Романа, Стефане. 16 декабря 944 (6453) г. Роман Лакапин был свергнут с престола. К концу его правления летописец приурочил и смерть Игоря, которую он пометил тем же, 6453 г. Поскольку Игорь, таким образом, правил 33 года, то такой же срок летописец отмерил и правлению Олега. Получалось, что Олег должен был начать править в 879 (6387) г. Так

была определена дата смерти его предшественника — Рюрика⁹. Число 33, кроме того, имело и сакральный, библейский подтекст. Именно столько царствовал в Иерусалиме библейский Давид, таков был срок земной жизни Христа, столько должен был править последний перед концом света царь Михаил, согласно византийскому «Откровению Мефодия Патарского». По апокрифической «Книге Юбилеев» (т.н. «Малое Бытие»), в начале тридцать третьего «юбилея» (под юбилеем подразумевается период в семь седмин, т.е. в 49 лет) Сим, Хам и Иафет разделили землю на три части. Числа 3 и 33 оказывались, таким образом, для начальной части летописного повествования особенно значимыми. Периоды этого 33-летнего ритма оканчивались походами языческой Руси на Византию¹⁰.

В то же время, периоды правления князей в ПВЛ зафиксированы и при общем счете лет мировой истории. Сведения об этом даются в летописной статье под 6360 (852) г., к которому в летописи отнесено начало царствования императора Михаила III: «А от первого лета Михайлова до первого лета Олгова, рускаго князя лет 29; а от первого лета Олгова, понелиже седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31; а от первого лета Игорева до первого лета Святъславля лет 33; а от первого лета Святославля до первого лета Ярополча лет 28»¹¹. Далее счет лет приобретает иной характер: говорится не сколько прошло лет от начала одного княжения до другого, а сколько лет правил тот или иной князь. Так, указывается, что Ярополк правил 8 лет. Как видим, Рюрик в этом перечислении не упомянут вообще. Однако анализ датировок перечня показывает, что время его правления все-таки было учтено летописцем.

И действительно, Ярополк Святославич погиб в 6488 (980) г., а начал княжить в 6481 (973) г., о чем говорится в летописи в статье именно под этим годом, и таким образом срок его правления составляет 8 лет — с 6481 по 6488 г. включительно. Начало княжения Святослава в летописи отнесено к 6454 (946) г. Между 6454 и 6481 гг. прошло 28 лет, если считать и 6454 г., первый год княжения Святослава, и 6481 г., первый год княжения Ярополка. Начало княжения Игоря в летописи отнесено к 6421 (913) г. Период в 33 года охватывает годы, начиная с 6421 и по 6453 включительно,

⁹ Назаренко А.В. Две Руси IX века // Родина. 2002. № 11–12. С. 17.

¹⁰ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь. С. 130, 143.

¹¹ ПВЛ. С. 12.

год гибели Игоря. Олег захватил Киев в 6390 (882) г., а умер в 6420 (912) г. Период его киевского правления охватывает, таким образом, 31 год, включая и 6390 г., и 6420 г., год его смерти. Начало правления императора Михаила в ПВЛ датировано 6360 (852) г. Считая от этого года 29 лет получаем 6388, т. е. 880 г. — первый год княжения Олега после смерти Рюрика в 6387 (879) г. Рюрик не упоминается в этом перечислении, поскольку речь здесь идет только о тех русских князьях, которые княжили в Киеве. Но, тем не менее, он очевидным образом подразумевается в этом тексте, поскольку первый год нового княжения, княжения Олега, датируется именно от его смерти.

Среди датировок, связанных с ранней генеалогией, очевидно недостоверной представляется дата женитьбы Игоря и Ольги. Скорее можно предположить, что Игорь мог жениться на сравнительно молодой девушке незадолго до своей гибели, чем представить 40 лет бездетного брака. Это хронологическое указание летописной схемы наиболее уязвимо. Почему летописец приурочил заключение этого брака к 6411 г., т. е. ко времени за 10 лет до начала княжения Игоря, неизвестно. Если же не абсолютизировать эту дату и учитывать условность остальной генеалогической хронологии, то родословная первых поколений Рюрикова рода выглядит хотя и не вполне обычной, но и не абсолютно невероятной. В принципе, ничего удивительного в том, что Игорь мог прожить 65 лет, нет. То, что он мог родить Святослава, когда ему было около шестидесяти, не слишком убедительно, но и не совершенно невозможно. Когда у польского короля Владислава II Ягайло родились в начале XV в. сыновья от четвертого брака (от предыдущих браков были только дочери), их отцу было за 70. Что же касается Рюрика, то до его появления на Руси в 862 г., о нем вообще ничего неизвестно. Поэтому сказать, сколько ему было лет и в каком возрасте у него появился на свет Игорь, нельзя. Вполне возможно, что, прибыв на Русь, Рюрик мог заключить брак с представительницей какого-либо из местных племен, и Игорь мог быть сыном от этого брака. Таким образом, летописная хронология сама по себе, как представляется, не может быть аргументом в пользу отрицания происхождения Игоря от Рюрика.

С другой стороны, летопись выстраивает очень стройную композицию княжеской генеалогии. Рюрик оставляет малолетнего Игоря на попечение родича Олега. Игорь, в свою очередь, также оставляет малолетнего наследника, Святослава, на попечении матери Ольги. Таким образом, положение Игоря при Олеге соотносится с положением Святослава при Ольге. Если вспомнить к тому же, что имена

Олега и Ольги стоят рядом в известии ПВЛ о женитьбе Игоря, эта конструкция выглядит еще более очевидной¹². Впрочем, возможно, что эта конструкция есть результат вторичного «моделирования» ситуации летописцем, возникшего благодаря выстраиванию единой генеалогической линии. Однако и такая конструкция сама по себе вовсе не предполагает отрицание отдельных ее звеньев.

В историографии фигурируют и некоторые косвенные аргументы, как бы говорящие не в пользу происхождения Игоря от Рюрика. Преимущественно они основываются на двух памятниках древнерусской литературы. Это, прежде всего, «Слово о законе и благодати», приписываемое священнику церкви Святых Апостолов в селе Берестове под Киевом (где находился великокняжеский дворец) Илариону, который в 1051 г. стал русским митрополитом. Традиционная широкая датировка памятника — между 1037 и 1050 гг.; высказывались также предположения о датах, близких как к ранней границе этого периода (1038 г.), так и поздней (в пределах второй половины 1040-х гг.)¹³. В «Слове» (вернее, в «Похвале князю Владимиру», выделяемой иногда в качестве отдельного произведения) есть, в частности, такие слова: «Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашаа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лета владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многах, и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли»¹⁴. Итак, Иларион перечисляет предков «кагана Володимера», т. е. князя Владимира Святославича, среди которых названы Святослав и Игорь. Неупоминание в этом ряду Рюрика позволило многим исследователям утверждать, будто Рюрик в то время еще не считался предком княжеской династии.

На мой взгляд, такое мнение совершенно несостоятельно. Во-первых, это аргумент «от умолчания», что уже сразу резко снижает его убедительность. Во-вторых, для того, чтобы придать этому умолчанию

¹² Неверно утверждение о том, что согласно летописи, якобы, именно Олег привел Ольгу в жены Игорю. ПВЛ говорит лишь, что «привели» Игорю жену из Пскова, именем Ольгу, а кто это сделал, не уточняет.

¹³ См.: *Назаренко А.В.* О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // ВЕДС. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто, IV Чтения памяти А.А. Зимина: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 1. С. 121–123.

¹⁴ *Молодован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 91.

некое значение, нужно вначале доказать, что Иларион по какой-либо причине, например, по существовавшей тогда традиции, должен был обязательно перечислять всех предков князя Владимира до какого-либо колена. Если это не доказано или недоказуемо, то и обсуждать это умолчание не имеет смысла. Существенно, однако, что, как правило, в древнерусских источниках домонгольского времени предки какого-либо лица дальше третьего колена не упоминаются¹⁵. Показательно в этом отношении хотя бы начало другого «Слова» — «Слова о полку Игореве», созданного в конце XII в.: «Слово о плъку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова». Предки Игоря ранее князя Олега Святославича здесь не перечислены, но из этого вовсе не следует, что автор «Слова» о них не знал. Можно привести и другие примеры — ПВЛ под 6601 (1093) г.: «преставися великий князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимерь»; Киево-Печерский патерик: «блаженный отецъ твой Давид, или дед твой Святослав» (слова лечьца Петра князю Святоше (иноку Николаю) Давыдовичу); «Слово о погибели Русской земли»: «великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, деду его Володимеру Манамаху». Упоминания о более отдаленных предках, ранее деда, появляются, по-видимому, только в летописании Московской Руси. В-третьих, для риторики вообще характерна именно тернарная формула — этой классической традиции отвечает и проповедь Илариона. Несмотря на все это, «умолчание» Илариона о Рюрике обрело столь большую популярность, что Игоря Рюриковича в отечественной историографии стали именовать не иначе, как Игорь «Старый». Хотя в тексте Илариона говорится о «старом», т. е. «прежнем», «раннем» Игоре, подобно тому, как «старый» Ярослав (Ярослав Мудрый) упоминается в «Слове о полку Игореве». Интересно, что при этом Святослава никто из историков не стал называть «Славным». Конечно, наименование Игоря «Старым» в историографии было и в какой-то степени уловкой, с помощью которой можно было не упоминать о его отчестве и окончательно отделить его имя от «мифического», «полулегендарного» Рюрика.

Второй источник — «Память и похвала князю Русскому Владимиру», созданная в XI в. и приписываемая Иакову Мниху (древнейший сохранившийся список датируется XV в.). Здесь также упомянуты предки Владимира: «Тако же и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ от многихъ о благовернемъ князе Володимери всея Руския земля, о сыну Святославле, и мало събравъ от многыя, добродете-

¹⁵ Ср.: Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор. С. 144–145.

ли его написахъ, и о сыну его, реку же святою славную мученику Бориса и Глеба, како просвети благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву, и возлюби и человеколюбивый Богъ, «хотяй спасти всякого человека и въ разумъ истинный приити», и вжада святого крещения». Здесь опять-таки упоминаются только Святослав и Игорь, а почему это так, становится ясно из дальнейшего текста: «И Богъ поможе ему (Владимиру. — *Е.П.*), и седе въ Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря»¹⁶. Иными словами, Иаков Мних перечисляет только тех предков Владимира, которые княжили в Киеве. Рюрик, разумеется, к ним не относился, поэтому и это «умолчание» нельзя считать генеалогическим аргументом.

Еще один существенный аспект проблемы — именованность древнерусских князей, характерной особенностью которого была повторяемость родовых, династических имен. Само имя Рюрика, основателя княжеской династии, среди его потомков встречается только два раза. Это, во-первых, правнук Ярослава Мудрого, Рюрик Ростиславич (ум. в 1092 г.), князь Перемышльский, и, во-вторых, Рюрик Ростиславич (ум. в 1212 г.?), внук Мстислава Владимировича (Великого), семь раз занимавший киевский стол в конце XII — начале XIII в. Заманчиво было бы сопоставить его имя с именем предыдущего князя, полного тезки, но ни генеалогические, ни политические связи в данном случае не обнаруживаются. Возможно, «возрождение» имени Рюрик в потомстве Мстислава Великого вписывается в общий контекст появления ряда скандинавских по происхождению имен в этой ветви Рюриковичей в связи со скандинавским браком самого Мстислава. Таковы имена дочерей Мстислава — Мальмфрид, Ингибьёрг, Рогнеды. Вероятно, к этому кругу относится также и имя «Ингварь» (т. е. Игорь в его первоначальной, скандинавской форме): его носили два правнука Мстислава — Ингварь Ярославич и Ингварь Игоревич, причем второй был племянником Рюрика Ростиславича¹⁷. Впрочем,

¹⁶ *Бугославский С.А.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. Л., 1925. С. 142, 152.

¹⁷ Подробнее о скандинавских именах в семье Мстислава Великого см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // ДГ. 1988–1989 гг. М., 1991. С. 159–164; *Мельникова Е.А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: Сборник статей в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1. С. 91–92; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 355–366.

судя по хронологии летописей, второй Рюрик Ростиславич родился уже после смерти деда: первый раз он упоминается как смоленский князь в 1157 г., участвующий в военных действиях¹⁸, что позволяет огнести время его рождения к рубежу 1130–1140-х гг. Примечательно, что христианское имя этого Рюрика Ростиславича, Василий, отсылает к традиции, идущей от Владимира Святого, христианским именем которого было «Василий». Таким образом, в именах Рюрика Ростиславича как бы соединились имена двух основателей династии: генеалогического родоначальника языческих времен и христианского предка — крестителя Руси. Есть, впрочем, сведения и еще об одном Рюрике. Это Рюрик Ольгович, черниговский князь, в крещении, возможно, носивший имя «Константин». Его упоминает В.Н. Татищев под 1212 г., и с ним сопоставляют имя «Константин» из Любецкого синодика, в котором перечислены имена князей Черниговской династии. Однако в реальности этого князя существуют очень серьезные сомнения¹⁹.

Казалось бы, имя родоначальника должно пользоваться особой популярностью среди его потомков. Но как раз этого и не происходит. Более того, в традициях и других династий, как европейских, так и азиатских, заметно не слишком частое употребление имен родоначальников — имен, которые, вероятно, могли считаться особо почитаемыми и потому до некоторой степени «табуированными». И династия Рюриковичей, по всей видимости, в этом отношении не представляет исключения. Но особенно интересен первый Рюрик Ростиславич среди потомков «старого» Рюрика. Он происходил из той ветви потомков Ярослава Мудрого, которая «выпала» из лестничной системы престолонаследия и, по сути, стала «изгойской». Дед Рюрика, старший сын Ярослава Мудрого — Владимир Ярославич, княжил в Новгороде и умер еще при жизни своего отца. Отец Рюрика, Ростислав Владимирович, в 1064 г. бежал в Тмутарокань, где через несколько лет был отравлен. Не совсем понятно, какие были у него владения до этого, но, во всяком случае, с 1080-х гг. сыновья Ростислава пытались закрепиться в Юго-Западной Руси²⁰. В 1086 г. Рюрик Ростиславич кня-

¹⁸ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 491 (ультрамартовская датировка).

¹⁹ См. и ср.: *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 458–468; *Пятнов А.П.* Рюрик Ольгович черниговский: мифический персонаж или реальный политический деятель XIII века? // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. № 8. С. 287–289.

²⁰ *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 167–170.

жил в Перемышле, а на Любечском съезде 1097 г. Перемышль и Теребовль были закреплены за его братьями Володарем и Василько. Сочетание имен братьев Ростиславичей — Рюрик, Володарь и Василько²¹ — выглядит не случайным. Можно предположить, что на их имянаречение повлиял политический контекст — именами своих сыновей князь Ростислав Владимирович хотел подчеркнуть принадлежность своей семьи к княжескому роду, ее происхождение от общих для всех древнерусских князей предков. Рюрик — наиболее древний предок, основатель рода, Володарь (ср. Володимир, по принципу «варьирования родового имени») — аллюзия на имя крестителя Руси Владимира Святославича, Василько (ср. Василий) — имя князя Владимира в крещении. Тем самым Ростислав хотел продемонстрировать родичам законность притязаний своей семьи на определенную часть земельных владений княжеского рода²². Эта демонстрация, безусловно, была рассчитана на «старших» Ярославичей и их семьи и, конечно, не имела бы смысла, если бы представление о Рюрике, как родоначальнике княжеского дома, уже не было к тому времени прочно укоренившимся на Руси (по крайней мере, в древнерусской княжеской династии).

Когда же произошло это имянаречение? Судя по генеалогической хронологии, Рюрик Ростиславич родился уже после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), но не позже середины 1060-х гг. Скорее же всего — на рубеже 1050–1060-х (годы жизни его деда, Владимира — 1020–1052; смерть отца, Ростислава, датируется 3 февраля 1067 г.). Следовательно, к концу 1050-х гг. Рюрик уже однозначно считался родоначальником русской княжеской династии. В этом случае, если происхождение Игоря от Рюрика и было искусственной конструкцией летописца, оно могло появиться только уже в древнейшем летописании, т. е. в летописании времен Ярослава Мудрого (возможно, в т.н. Древнейшем своде 1037 г.).

Однако вернемся к интересующему нас летописному тексту Начального свода. В нем отчетливо прослеживаются черты устной

²¹ Именно такой порядок по старшинству следует из летописных сообщений: Рюрик княжит в Перемышле, затем Перемышль отходит Володарю, Василько в известии о Любечском съезде назван после Володаря.

²² Ср. мнение В.Я. Петрухина, полагающего, что «Ростислав назвал своего сына Рюриком, демонстрируя “старейшинство” новгородского стола» (*Петрухин В.Я. Никон и Тмуторокань: к проблемам реконструкции начального летописания // ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003. С. 195*), которое к тому времени, как кажется, было вполне очевидно (после киевского, разумеется).

традиции — повторения, парные формулы и хвалебные поэтические эпитеты, позволяющие даже предполагать, что «сказание о Рюрике изначально имело поэтическую форму или включало поэтический текст — хвалебную песнь (драпу)»²³. Сообщение о рождении Игоря совершенно естественно вписывается в этот контекст и выглядит таким же элементом устной традиции:

«И прия власть единь Рюрикъ,
обою брату власть,
и нача владети единь,
и роди сынъ,
и нарече имя ему Игорьъ.
и възрастьшо же ему, Игорю,
и бысть храборъ и мудръ.
И бысть у него воевода, именем Олег,
муж мудръ и храборъ».

Понятно, что в этом тексте, обнаруживающем внутреннюю цельность, не было места для рассказа о смерти Рюрика. Сам же мотив о смерти этого князя, как и возможные мотивы о его деяниях, если и существовали в устной традиции, то оказались редуцированными, поскольку на первый план вышло «сказание о призвании» князей, наиболее четко отразившееся в летописании²⁴.

Если родственная связь Игоря с Рюриком и не существовала в устных преданиях о Рюрике изначально, она должна была появиться тогда, когда княжеская династия особенно остро нуждалась в обосновании законности своих прав на власть. Ведь смысл «сказания о призвании» и, в его контексте, мотива происхождения Игоря от Рюрика мог состоять в обосновании законности правления на Руси именно реальных или предполагаемых потомков Рюрика, причем применительно не к каким-то отдельным князьям Рюрикова рода (например, Ярослава Мудрого²⁵), а именно всему этому роду

²³ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год: Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 60.

²⁴ Там же. С. 65–67.

²⁵ См.: Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности. С. 73–74 (по мнению Е.А. Мельниковой, Ярослав Мудрый, княживший в Новгороде, в период борьбы со Святополком мог использовать мотив происхождения Игоря от Рюрика для обоснования своих притязаний на киевский стол. Однако, каким образом происхождение Игоря (который являлся общим предком и Святополка,

в целом. Следовательно, при «создании» родственной связи Игорь — Рюрик принципиальной была легитимация княжеской династии Рюриковичей как таковой. Когда же в этой легитимации существовала наиболее насущная, реальная необходимость, исходя из наших знаний о ранней русской истории? Очевидно, что такая необходимость могла быть, прежде всего, тогда, когда на Руси существовали другие династии или правители, которые могли соперничать с потомками Игоря за власть или с которыми у «Игоревичей» возникали конфликты. Это — или эпоха Ольги (и, очевидно, Святослава), когда сохранялись довольно сильные племенные князья, вероятно, местного происхождения (типа древлянского Мала), хотя и подвластные киевской варяжской династии (как славяне — «пактиоты» росов, по сообщению Константина Багрянородного). Или, что еще более вероятно, начальный период правления Владимира, когда известны князья в разных центрах Руси, не принадлежавшие к роду Рюрика (скандинавский по происхождению князь Рогволод в Полоцке, возможно, князь Туры (Торир?) в Турове). Именно тогда демонстрировать легитимность именно «Рюриковичей» — Игоревичей и было наиболее актуальным. Следовательно родственная связь между Игорем и Рюриком «возникла», по крайней мере, в середине — второй половине X в., т. е. еще в период устного бытования преданий о первых русских князьях. Возможно, такой мотив сложился в начальный период княжения Владимира, тесно связанного с Новгородом и, согласно летописи, даже приглашенного новгородцами к себе на княжение, а не просто направленного киевским князем — отцом. Во всяком случае, при Владимире представление о единой княжеской генеалогии одного русского княжеского рода должно было уже сформироваться²⁶.

Кажется возможным выдвинуть еще один аргумент, косвенно подтверждающий происхождение Игоря от Рюрика и относящийся опять-таки к княжескому именованию. Даже при самом беглом знакомстве с именами князей домонгольской Руси бросается в глаза необычайная распространенность имен со второй основой *-слав*. Таковы Святослав, Ярослав, Изяслав, Мстислав, Вячеслав,

и Ярослава) от Рюрика могло особенно подкрепить претензии именно Ярослава, принадлежавшего к тому же княжескому роду и тому же его поколению, что и Святослав, исследовательница не конкретизирует).

²⁶ Ср.: Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности. С. 74.

Брячислав, Всеслав, Ростислав и многие другие. Имена такого типа были распространены повсеместно — во всех ветвях огромного рода Рюриковичей, во всех княжеских земельных династиях. Первым носителем такого имени среди Рюриковичей был внук Рюрика — Святослав Игоревич. Именно его имя послужило, очевидно, «прототипом» для всех последующих. Однако, чем объяснить такую популярность основы *-слав* в княжеском именовании? В свое время была высказана гипотеза о том, что имя Святослав представляло собой как бы соединение двух имен — Рюрика, первой основой которого было слово «слава», и Олега, в буквальном переводе означающего «священный»²⁷. Несмотря на то, что эта гипотеза вызвала критику²⁸, определенное рациональное зерно в ней полностью исключить нельзя. Вторая часть имени «Святослав» могла восходить к одной (первой) из скандинавских основ имени Рюрик — *Hrod-*, «слава». Если это так, то Рюрик, бесспорно, считался предком уже Святослава, а сведения о том, что именно он был отцом Игоря, вполне достоверны. Интересно и то, что один из сыновей самого Святослава был назван Олегом. Возможно, это имянаречение произошло не только потому, что его бабушку звали Ольгой, но и потому, что когда-то существовал князь Олег, который действительно являлся родственником Рюриковичей. В любом случае княжеская антропонимия позволяет скорее подтвердить, нежели поставить под сомнение родство Рюрика с Игорем, а значит, и последующими Рюриковичами.

Во внелетописных источниках Рюрик впервые упоминается в качестве предка русских князей в «Задонщине», написанной в XV в. и посвященной победе на Куликовом поле²⁹. «Тот бо вещей Боян воскладоша гораздыя своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичю, вторую — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третюю — великому князю Ярославу Володимировичю» — говорит создатель этого произведения, используя словесные обороты «Слова о полку Игореве».

²⁷ Членов А.М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970.

²⁸ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени. С. 41.

²⁹ ПВЛ. С. 398 (коммент. Д.С. Лихачева).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бугославский С.А.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. Л., 1925.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // ДГ. 1988–1989 гг. М., 1991.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.
- Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.
- Мельникова Е.А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имен в древнерусских летописных текстах // У источника: Сборник статей в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. М., 1997. Вып. 1.
- Мельникова Е.А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI — начала XII в. // ДГ. 2005 год: Рюриковичи и российская государственность. М., 2008.
- Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГ. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.
- Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Назаренко А.В.* Две Руси IX века // Родина. 2002. № 11–12.
- Назаренко А.В.* О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // ВЕДС. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто, IV Чтения памяти А.А. Зимина: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 1.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.
- Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. Древняя Русь.
- Петрухин В.Я.* Никон и Тмуторокань: к проблемам реконструкции начального летописания // ВЕДС. XV: Автор и его текст. М., 2003.
- Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.
- Пятнов А.П.* Рюрик Ольгович черниговский: мифический персонаж или реальный политический деятель XIII века? // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003.
- Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. № 8.
- Членов А.М.* К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970.

Evgeniy Pchelov

THE DESCENT OF OLD RUSSIAN PRINCES
FROM RIURIK: ORAL TRADITION
OR CHRONICLE CONSTRUCTION?

The paper discusses narratives in the Russian chronicles about the death of Rjurik and the descent of Igor. It analyzes sources and historiographic arguments pro et contra the origin of Old Russian princes from Rjurik. The author assumes that information about Igor's descent from Rjurik existed in the oral tradition within the framework of the "Rjurik story" already at the end of the 10th century.

Key words: genealogy, oral tradition, chronicles, Rjurikides.